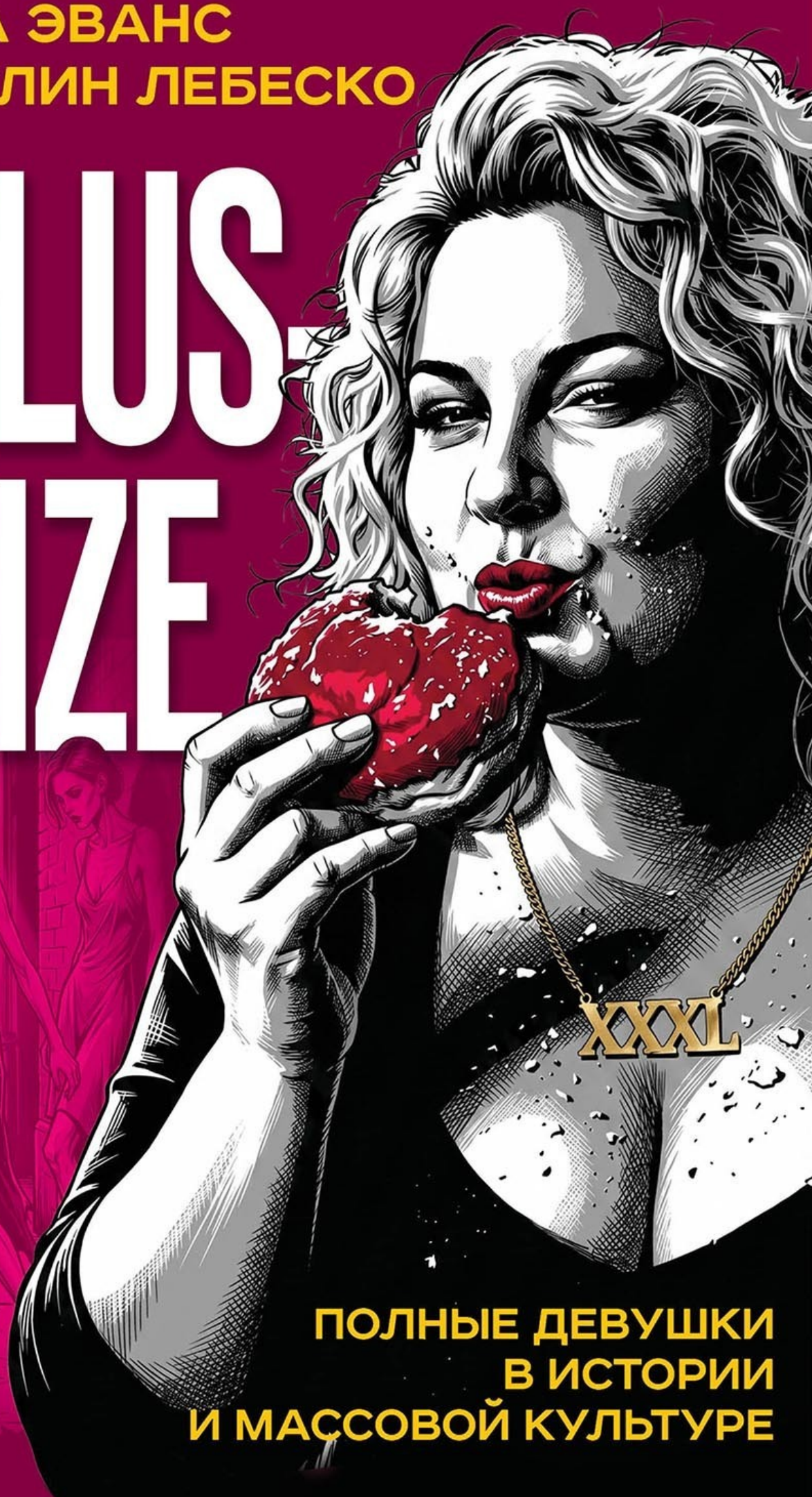

ЯНА ЭВАНС
КЭТЛИН ЛЕБЕСКО

PLUS SIZE

ПОЛНЫЕ ДЕВУШКИ
В ИСТОРИИ
И МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ

Попкорн

Яна Эванс

**Plus-size. Полные девушки в
истории и массовой культуре**

«Алисторус»

2026

УДК 316.47
ББК 54.152.1

Эванс Я.

Plus-size. Полные девушки в истории и массовой культуре /
Я. Эванс — «Алисторус», 2026 — (Попкорн)

ISBN 978-5-00269-373-3

Эта книга - дерзкий вызов всем стереотипам о полноте! Она взрывает мифы о полноте как о медицинской проблеме или эстетическом провале, показывая, как общество, медицина и идеология капитализма создали культуру ненависти к пухлым девушкам. Борьба с полнотой стала частью идеологии западных элит и мейнстримных СМИ в 1970-е, в эпоху неолиберализма. Это было необходимо властям западных стран чтобы отвлечь женщин от перманентного социального кризиса, сокращений зарплаты, урезания расходов на медицину и образование. Хотя в более ранние эпохи полнота была признаком красоты и женской силы. И эти времена обязательно вернутся. Авторы книги доказывают, что полнота может быть красотой, сопротивлением и политическим жестом. Если вы устали от диет, стыда и навязанных стандартов - эта книга для вас. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 316.47
ББК 54.152.1

ISBN 978-5-00269-373-3

© Эванс Я., 2026
© Алисторус, 2026

Содержание

Благодарности	6
Введение от редакторов	7
Ричард Кляйн	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Яна Эванс, Кэтлин Лебеско
Plus-size. Полные девушки в
истории и массовой культуре

© Эванс Я., 2026

© Лебеско К., 2026

© Катайцева Э. С., перевод, 2026

© Нигматулин М. В., перевод, 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

Благодарности

Мы хотели бы поблагодарить всех, кто принял участие в создании этого сборника, за их усердие, терпение и интеллектуальную проницательность, которые сделали эту антологию возможной. Мы выражаем признательность Наоми Шнайдер, исполнительному редактору University of California Press, а также ее редакционным ассистентам Джин Парк и Элли Хикерсон, редактору проекта Сью Хайнеман, корректору Элис Фолк и руководителю отдела дизайна и производства Энтони Кроучу за содействие в публикации.

Мы также высоко ценим отзывы, предоставленные Сарой Бане-Вайзер, Маршей Миллман и двумя анонимными рецензентами издательства. Их экспертиза значительно облегчила и ускорила завершающие этапы работы, за что мы им глубоко признательны.

Мы приносим искреннюю благодарность Пег Лихи (Трой, Нью-Йорк); Сайле Поутиайнен (Хельсинки, Финляндия); Дженнифер Роджерс из факультета сравнительного литературоведения Массачусетского университета в Амхерсте и Рене Вингертсман из Офиса информационных технологий Массачусетского университета в Амхерсте за техническую и административную помощь.

Нашим семьям, друзьям и коллегам в Массачусетском университете в Амхерсте (особенно, но не только, с факультетов коммуникации и сравнительного литературоведения) мы выражаем признательность за поддержку и ободрение. В частности, мы хотели бы поблагодарить Лизу Хендерсон, чей аспирантский семинар «Политика сексуальной репрезентации» пробудил наш взаимный интерес к «власти и политике» телесности. Члены нашего диссертационного комитета – Брайанкл Чанг, Леда Кукс, Барбара Круикшенк, Лиза Хендерсон, Дэвид Ленсон, Элизабет Петрофф, Кэтрин Португез и Роберт Шварцвальд – постоянно оказывали нам поддержку и руководство. Спасибо!

Несколько эссе в этом сборнике были впервые опубликованы в других изданиях, и мы с признательностью отмечаем разрешение на их перепечатку. Эссе Ричарда Кляйна «Жир как красота» впервые появилось в книге «Eat Fat», изданной в 1996 году Pantheon Books / Random House, и перепечатано здесь с их разрешения. Отдельная благодарность Ричарду Кляйну и Бетти Грабер, редактору по правам в Random House, за такую возможность. Эссе Шэрон Мейзер «„Она такая толстая...“: Встреча с Толстушкой в концертах у моря на Кони-Айленде» впервые было опубликовано в Theatre Annual: A Journal of Performance Studies (издательство The College of William and Mary) и перепечатано здесь с разрешения редактора Ричарда Х. Палмера. Совместное эссе Майкла Муна и Ив Кософски Седжвик впервые появилось в журнале Discourse, затем было перепечатано в книге Седжвик Tendencies (Duke University Press, 1993) и вновь публикуется здесь с разрешения авторов. Карикатура I was a fat kid создана Максом Эйрборном и воспроизводится с разрешения художника.

Введение от редакторов

Ключевым вопросом при создании этой антологии было то, как переосмыслить и реконструировать телесность. За ним последовали другие: чем доминирующий в американской массовой культуре взгляд на полноту как на телесное излишество отличается от других её трактовок? Как полнота конструировалась в других культурах и в различные исторические периоды? Как нам преодолеть ограничительные представления о телесности, накопившиеся в дискурсах – медицинском, психологическом и капиталистическом – вокруг «жирного тела» (использование единственного числа указывает на редуктивное восприятие таких тел как одинаковых)? Как эти дискурсы используются для контроля над полными телами и людьми? Как они одновременно конструируют и стирают жирное тело, пытаясь изгнать его из поля репрезентации в самый момент определения? Как мы можем начать сопротивляться и деконструировать дискурсы, которые стирают «полное тело», даже обозначая его дискурсивное поле?

Таким образом, одна из наших задач – разоблачить жирное тело, сделать его видимым и присутствующим, а не невидимым и отсутствующим: зримым, а не неприглядным. Очевидно, что эта первая задача требует второй: распутать те дискурсы, которые наиболее упорно определяли и фиксировали полные тела, практически не оставляя пространства для дальнейшего интерпретативного анализа и эпистемологического исследования телесности и полных тел.

Бросая вызов доминирующим дискурсивным конструкциям телесности, эссе в этом сборнике анализируют политику и власть, связанные с полнотой, и отвечают на различные исследовательские вопросы, касающиеся социальных репрезентаций жира: как медийные изображения полных людей стирают и десексуализируют их? Как вес, размер тела, потребление пищи и расстройства пищевого поведения формируют нормативные дискурсы о полноте? Как эти дискурсы используются для контроля над полным телом? Исследуя эту область, авторы применяют междисциплинарные подходы, подвергая сомнению конструкции «телесности» и «жира» (в медиа, кино, литературе, искусстве, жизни) и оспаривая доминирующие теоретические рамки понимания полноты – а именно этиологические, патологические и психологические подходы к исследованию медицинзированной концепции ожирения.

Со времен после окончания Второй мировой войны, когда индустрии диет и фитнеса расцвели и породили массовую одержимость весом и формами тела, слово «жир» стало табуированным. Его демонизировали идеологически нагруженными, но ловко переплетенными с понятиями природы, здоровья и красоты способами. Поскольку в 1990-е годы люди всё больше осознавали, что язык создает реальность, появились попытки использовать язык, способствующий более справедливым отношениям. В результате термины, оскорбительные для менее защищенных групп, стали встречать неодобрение. Рассказы, унижающие женщин или людей с ограниченными возможностями, перестали находить понимание. Однако в случае с полнотой что-то ускользает от этих изменений. Люди по-прежнему открыто и пренебрежительно называют полными себя и других.

Возможно, причина в том, что полнота воспринимается как опыт, зависящий от субъекта и в некоторой степени подконтрольный ему (в отличие от пола или расы, которые ошибочно считаются фиксированными идентификаторами), и поэтому она продолжает подвергаться такой стигматизации.

То, что считается жиром, и то, как это оценивается, далеко не универсально; эти суждения пропитаны культурными, историческими, политическими и экономическими влияниями. Однако мы ежедневно боимся жира, не замечая этого факта. Лишь немногие задаются вопросами об идеологической основе, на которой построены наши нынешние представления о телесности. Мы полагаем, что такие вопросы позволят признать полноту социальным кон-

структом, тем самым проблематизировав представление об ожирении как о чем-то изначально «ненормальном» или патологическом: в рамках такого прочтения концепция ожирения (в её нынешнем понимании) исторична, а не внеисторична или универсальна.

Главы этой книги исследуют современные представления о жире, обусловленные различными историческими, культурными и экономическими позициями, чтобы показать странность западной демонизации полноты. В постмодернистской капиталистической патриархии, такой как США, жир воспринимается как нечто отвратительное, смешное, уродливое, нечистое, непристойное и, прежде всего, как то, от чего нужно избавиться (см. эссе Ричарда Кляйна в этом сборнике). Всего лишь тридцать лет назад эту идею начали активно оспаривать радикальные активисты движения за бодипозитив, утверждавшие, что наше восприятие полноты не естественно – что оно является функцией нашего исторического и культурного положения в обществе, которое извлекает выгоду из маргинализации полных людей.

В нашей попытке опровергнуть универсализирующую, внеисторическую и транскультурную концепцию жира и полноты – и тем самым создать политическое пространство для субъектности людей, чьи размеры тела не соответствуют ограничительным стандартам общества, – мы могли бы обратиться к представлениям о полноте в досовременные эпохи, рассмотреть разнообразные взгляды на жир за пределами США в современности и постсовременности или даже взглянуть на маргинализированные, альтернативные концепции полноты внутри Америки XX века. Афроамериканские, чикано и латиноамериканские субкультуры предлагают внутренние очаги сопротивления доминирующей культурной оценке телесности в Северной Америке, но они остаются маргинализированными в обществе и патологизируемыми в медицине в рамках гегемонистской концепции. Богатство и разнообразие значений, приписываемых размерам тела в другие времена и в других местах, демонстрируют непоследовательность нашего современного западного взгляда на жир и поддерживают политический проект активистов, стремящихся показать его социально конструируемый, политически маргинализирующий характер. Как только мы снимем шоры Америки конца XX века, мы увидим, что жир – это гибкий конструкт, служивший доминирующим экономическим и культурным интересам в ущерб всем людям.

Пейоративные представления о полноте особенно часто использовались в психологических дискурсах, которые склонны анализировать полное тело как закодированную поверхность, означающую подтекст психики. Такие дискурсы телесности позиционируют жирное тело как симптоматичное (или, точнее, «симптосоматическое»), несущее на себе телесные отметины внутренней психической борьбы. Зачастую жирное тело прочитывается как телесное проявление других, предположительно более внутренних, бестелесных качеств или характеристик – означающих латентность и недостаток. Жир приравнивается к безрассудному излишеству, расточительности, потворству, отсутствию сдержанности, нарушению порядка и пространства, трансгрессии границ. Одна из психологических работ, «Эмоция, ожирение и преступность» Стэнли Шахтера (1971), заходит так далеко, что отождествляет полноту и преступность. Стереотипы об ожирении и прочитываются, и воспроизводятся в психологических дискурсах как проявления деструктивного поведения, – буквально воплощенного на теле, – но, предположительно, движимого потворством и отсутствием контроля; следовательно, жирное тело интерпретируется и конструируется как тело, безрассудно приемлющее запрещенные социальные нормы.

Даже те, кто считает себя «сочувствующими» полным людям, склонны использовать троп симптоматичного жирного тела. Определенное поведение (например, переедание или компульсивное обжорство, анорексическое голодание, булимическое очищение) и тело, предположительно произведенное такими компульсивными действиями, неизбежно интерпретируются как телесные, внешние смещения бестелесных, внутренних расстройств. Среди множества книг и кассет на полках «психологии» и «самопомощи» мы находим «Ты не можешь

бросить, пока не поймешь, что тебя „ест“»; «Голодая в тишине»; «Голод внутри» и «Накорми голодное сердце». Все эти работы, основанные на психологии, концептуализируют тело как чистый лист, на который записывается или впечатывается содержание психики. В этой парадигме жирное тело – это тело-симптом.

Ненасытный внутренний голод порождает чудовищный жир, который, подобно каннибалу, пожирает и уничтожает «здоровое» тело. Ирония заключается в том, что в дискурсах об ожирении и расстройствах пищевого поведения отношение потребителя к потребляемому, кажется, опасно меняется местами: жир или жировая ткань рассматриваются как ненасытный паразит, необязательная и удаляемая масса, которая душит и даже пожирает «идеальное» или истинное тело. Тело с расстройством пищевого поведения сопротивляется тому, чтобы быть поглощенным, либо истощая паразитические жировые клетки голодом, либо иницируя телесный цикл «переедание-очищение», который не позволяет паразитическому жиру закрепиться. Слишком часто расстройства пищевого поведения объясняются как стратегии совладания с сексуальным насилием, властными родителями или ожиданием совершенства. Хотя эти ранние травматические переживания, безусловно, реальны и заслуживают деликатного изучения, тенденция в психологических дискурсах заключалась в том, чтобы сводить жирное тело к травмированному телу, без достаточного исследования других причин ожирения или, что радикальнее, попыток понять полные тела без поиска какого-либо внутреннего причинного агента.

Ученые-феминистки сыграли значительную роль в переосмыслении телесности и клинического лечения пациентов с ожирением. Они начали исправлять устоявшиеся в истории психологии трактовки ожирения, перенося основу психологических проблем, связанных с ним, не в индивидуальную субъективную психику, а в общественную фобию полноты.

Ряд научных работ психологов определяют угнетение полных людей и фобию полноты как причину не только чувства униженности и низкой самооценки у тучных людей, но также анорексии, булимии, булимарексии и других расстройств аппетита. И «Страх быть толстым», и «Когда еда – это ругательство» утверждают, что расстройства пищевого поведения нельзя вылечить, если пациент не преодолеет навязанную обществом и усвоенную им самим фобию полноты.

Психоаналитический акцент 1970-х и 1980-х годов в конце 1980-х и 1990-х годах уступил место более медицинским дискурсам, поощряющим коммодификацию «лечения» того, что стало рассматриваться как анатомическое заболевание. В то же время новые научные теории говорили о генетических причинах полноты («ген ожирения»); были разработаны и в массовом порядке выписывались фармацевтические препараты для лечения ожирения, несмотря на серьезные, иногда необратимые и даже смертельные побочные эффекты; а более сочувствующие теории о «пациентах с избыточным весом» фокусировались на индивидуальном метаболизме и метаболической уставке (выявляя, например, синдром «диеты йо-йо»). Однако нынешние медицинские дискурсы о телесности, звучащие в абсолютистских тонах науки, грозят искоренить или стереть все иные дискурсивные прочтения телесности, все расходящиеся интерпретации полноты – более полно, чем это когда-либо делала прежняя гегемония психологии.

Влиятельную модель медицинского дискурса предоставляет Национальный институт здоровья США (NIH), сообщивший в 1990 году, что 58 миллионов человек в Соединенных Штатах (примерно каждый третий) имеют избыточный вес – ярлык, применяемый к мужчинам, чья доля жира в организме превышает 25 % от общего веса, и женщинам, у которых этот показатель превышает 30 %. Более половины людей, определенных как «страдающие ожирением», – взрослые женщины, которых насчитывается 32 миллиона, 26 миллионов взрослых мужчин и 4,7 миллиона молодых людей (в возрасте от шести до семнадцати лет) попадают в эту категорию.

NIH также определяет ожирение как причинный или способствующий фактор других заболеваний, включая гипертонию, рак молочной железы и толстой кишки, сердечно-сосудистые заболевания и болезни желчного пузыря, но не рассматривает, как определение причин как «первичных» или «вторичных» соотносится с генетической предрасположенностью или другими факторами риска. Клеймение ожирения как первичной причины, по-видимому, неразрывно и дискурсивно связано со взглядом на телесность как на смертельную, но предотвратимую болезнь, тогда как патологические состояния, считающиеся невольными или непредотвратимыми, именуются вторичными. Это произвольное различие, кажется, обусловлено в большей степени финансовыми, чем медицинскими соображениями: возможность профилактики предполагает потенциальный рынок.

Расширяющееся использование фармацевтических препаратов в «борьбе с выпуклостями» увязало в рыночной политике финансовой выгоды и убытков, несмотря на риски для здоровья пациента. Эта форма медицинской терапии в некотором роде напоминает некогда популярный подход к буквальному искоренению ожирения путем хирургического удаления жира. В то время как хирургические методы лечения ожирения – такие как билиопанкреатическое шунтирование (BPD), гастропластика или операции по уменьшению желудка для изменения формы и удаления его частей, бандажирование и скрепление желудка – ныне официально ограничены случаями «морбидного ожирения» с серьезными сопутствующими факторами (гипертония, затрудненное дыхание, ортопедические заболевания), фармацевтические методы лечения ожирения, к сожалению, имеют гораздо меньше запретительных и предписывающих ограничений. В последние годы регулируемые (а часто и нерегулируемые) дозы фентермина, фенфлурамина и селективных ингибиторов обратного захвата серотонина (СИОЗС) безрассудно выписывались, несмотря на их потенциал повредить нейроны и истощить запасы серотонина, приводя к нарушениям сна и настроения. В 1997 году сообщения о серьезных сердечно-сосудистых заболеваниях и тяжелой гипертонии привели к широко освещаемому изъятию с рынка комбинации фентермина и фенфлурамина (phen/fen). Тем не менее, новые препараты, независимо от их побочных эффектов и потенциальных опасностей, несомненно, будут иметь огромный успех на рынке, движимом презрением к крупным телам.

Таким образом, Glaxo Wellcome, ведущий производитель фармацевтической продукции, подтверждает свою приверженность пациентам с ожирением, заявляя: «Поскольку хроническая природа ожирения [генетическая] стала ясна, клиницисты осознали, что необходимо долгосрочное обязательство по лечению ожирения». Несомненно, «долгосрочное обязательство по лечению ожирения» также прибыльно! Бюллетень медицинских наук, издаваемый Pharmaceutical Information Associates, признает это: «Фармацевтическая промышленность наконец-то просыпается от того факта, что ожирение – это хроническое заболевание, требующее пожизненного лечения, предпочтительно таблетками, и что рынок для таких таблеток огромен». Бесспорно, тем, чем «Прозак» был для психологических и химико-неврологических недугов в последнее десятилетие, эти фармацевтические препараты теперь, кажется, обещают стать для ожирения и других генетических или необъяснимых физиологических расстройств – универсальной панацеей *fin de millénaire* в американской массовой культуре (вершине капиталистической культуры Запада).

Многие социологи и культурные критики остро критиковали власть и политику, лежащие в основе социальных и капиталистических конструкций анорексии, специально исследуя коммодификацию худобы и худого тела. Хотя такие авторы прямо обращаются к коммодификации анорексичного тела (как «худышек», так и поклонников «героинового шика»), они уделяли мало критического внимания власти и политике, лежащим в основе социальных и капиталистических конструкций телесности и жирного тела. Если «худое тело» является квинтэссенцией товара в американской культуре, – красоткой с плаката, продаваемой в глянце-снимках, календарных фотографиях, центральных разворотах и рекламе практически

всех продуктов, – то «жирное тело» – это табуированное, запретное место, вокруг которого множатся другие товары: Slim Fast, Dexatrim и другие подавители аппетита; Nutrasweet, Equal, Sweet'n Low, Diet Coke, Tab, Diet Pepsi, Crystal Lite и множество других продуктов с нулевым содержанием сахара; заменители жира, такие как Simplesse, Avicel и Olestra, и так далее.

Жирное тело одновременно производится и отрицается посредством этого самого пространства товаров: каждый продукт отсылает к жирному телу как к маркеру своего капиталистического обращения, но также сопротивляется и размывает это маркированное тело. Эти диетические и диетологические продукты – все искусственные объекты для потребления, но все сопротивляющиеся отложению в виде жира, – предназначены для устранения или предотвращения самого объекта, который они означают, – жирного тела. («Олестра» является показательным примером в этом отношении, поскольку она фактически вымывает из организма другие питательные вещества, такие как жирорастворимые витамины А, D, К и Е, а также каротиноиды, которые, по данным Центра науки в интересах общества и исследователей Гарвардской школы общественного здравоохранения, помогают предотвратить рак.)

Мы могли бы подвергнуть этот товарно-ориентированный дискурс патологизирующему анализу, подобному тому, который доминировал в дискурсах о телесности – в медицинских терминах, об ожирении, – последние несколько десятилетий в американской массовой культуре; действительно, мы могли бы успешно исследовать более широкую взаимосвязь между медицинскими и капиталистическими/корпоративными дискурсами в этот период. Помня о нормальном цикле питания (потребление/поглощение ⇒ пищеварение ⇒ усвоение), скептический феминистский анализ мог бы указать, что современная экономика США предлагает синтетическое искоренение «полноты», искусственную замену полного тела, движимую консьюмеризмом и капитализмом. Поскольку синтетические диетические продукты, в экономических терминах, потребляются и усваиваются, – или, в индивидуальном плане, поглощаются и перевариваются, – органический состав полного тела замещается синтетическим химическим составом самого потребляемого продукта. И здесь вновь следует отметить, насколько глубоко медицинские/фармацевтические корпорации вовлечены в производство и маркетинг средств для похудения. К сожалению, в то время как медицинские исследования вредного воздействия ожирения на здоровье продолжаются, лишь немногие исследователи изучают возможные пагубные побочные эффекты этих синтетически произведенных, агрессивно продвигаемых на рынке заменителей пищи (или, возможно, нам следует назвать их заменителями «жирного тела»). Такие исследования не подпитывали бы экономику телесных товаров. Таким образом, эссе в этом сборнике берут за точку отсчета критический сдвиг прочь от этих ограничивающих дискурсов.

Признавая телесность медицинской или социальной проблемой, традиционные исследования не смогли оценить способы, которыми телесность конструируется исторически, политически, культурно и экономически. Наша антология, следовательно, намечает новые пути для исследований телесности: как полные люди понимают и осмысливают свой телесный опыт? Как полные люди (в литературе, изобразительном искусстве, на телевидении или в кино) обнажают свои тела, свою сексуальность и свое желание? Как самоопределение полных людей в отношении своей телесности сопротивляется нормативным ограничениям социальной репрезентации?

Чтобы исследовать социальные конструкции телесности, эссе в сборнике *Bodies Out of Bounds* анализируют несколько тематических элементов: во-первых, дискурсивное производство полноты как оспариваемого поля, переопределяемого противоречивыми дискурсами; во-вторых, кодификацию тела в терминах пересекающихся вопросов контроля и чрезмерности; и, наконец, распространение патологических дискурсов (которые трактуют полноту как болезнь) и психосоматических дискурсов (которые трактуют полноту как симптом психологического расстройства), используемых для контроля как интерпретаций, так и материального присут-

ствия чрезмерных тел. Эти общие элементы проходят через всю книгу, объединяя отдельные части и предлагая другие способы прочтения полноты. Короче говоря, все эссе рассматривают и анализируют политику и власть, связанные с телесностью.

Американская озабоченность весом, примером которой служит обилие публикуемых книг об «ожирении» (без проблематизации, в соответствии с не подвергаемыми сомнению стандартами веса: например, недостаточный вес, избыточный вес), иронически соседствует с отсутствием интереса к критическому изучению наших предположений о телесности и стирании полных тел. Современные исследования делают акцент на медицинских изучениях ожирения и расстройств пищевого поведения и подчеркивают психологическое лечение жирного тела как симптоматического, не исследуя более позитивные выражения телесности.

Сталкиваясь с нынешней враждебностью к полноте, мы должны спросить: почему это так? И как мы можем это изменить? Питер Стернз в своей увлекательной истории отношения к жиру в Америке предполагает, что действительно «враждебность к жиру является частью более масштабных культурных сдвигов, затрагивающих врачей и науку, художественные стандарты, религиозную неопределенность и, что весьма примечательно, попытку установить своего рода завуалированный этический кодекс в период быстро меняющихся ценностей». В *Bodies Out of Bounds* мы надеемся начать распутывание дискурсов консьюмеризма, медицины и психологии, которые так глубоко пронизывают современные конструкции телесности и полноты.

Эссе в этом сборнике объединяются, чтобы далее разоблачать социальное создание этих дискурсов и предложить новые способы признания власти и политики телесности. Многие главы рассматривают культурные конструкции полноты, анализируя концепции маскулинности и фемининности, размер и буквальное занятие пространства, медийную репрезентацию в связи с видимостью и невидимостью, а также социальное угнетение. Все авторы сборника исследуют полноту в пространствах между субъективностью и подчиненностью, все эссе основаны на современной теории, и все предлагают наметить потенциальные траектории для исследований на этой в значительной степени неисследованной территории.

С этой книгой мы надеемся инициировать критическое обсуждение телесности и ролей, которые она играет в массовом культурном воображении – будь то порицаемая историческая конструкция, расположенная в разломах между телами и дискурсами, как обсуждают Кляйн, Хафф, Лебеско, Лосано и Риш; как абъектное, как предлагает Кент; как карнавальное, по-разному исследованное Стукатор, Шифф, Брэзил и Мейзер; как неразрешимая проблематика, болезненно зажатая в связях расы, национальности и культуры, что ясно выявляют Хартли, Чемберлен и Купперс; или как трансгрессивная и перформативная гиперболизация американской амбивалентности по отношению к телам и сексуальности, как указывают Мошер, Улаби, Мун и Седжвик. Действительно, телесность – это плотная, поливалентная и противоречивая конструкция; она играет все эти роли в культурном воображении, и даже больше.

В рамках дискурсов медицины, психологии и капитализма полнота множится, и её культурные локации сложны, многочисленны и разнообразны. Однако *Bodies Out of Bounds* – это лишь первое, критическое начало...

Другие области, связанные с социальными конструкциями телесности, все еще ждут изучения. Пересечения расы, класса, культуры и сексуальности – все в какой-то степени исследуемые этим сборником, – остаются в значительной степени неисследованными территориями. Мы надеемся, что эссе в *Bodies Out of Bounds* будут стимулировать исследования в этих неизведанных областях. Многие вопросы все еще требуют решения: как на конструкции телесности, особенно в медицинских дискурсах об ожирении, влияют раса и класс? Как дискурсы меньшинств о телесности в Северной Америке (особенно в афроамериканских, латиноамериканских и азиатско-американских субкультурах) расходятся с доминирующими массовыми культурными конструкциями? Как их различия маркируются как «аномальные» или «патологические» в рамках доминирующих дискурсивных рамок? Как эти расходящиеся конструкции

маркируют культурное, расовое и классовое сопротивление гегемонии «американской» (т. е. белой, среднего класса) культуры, чей империализм все более проявляется в международном масштабе из-за положения США в глобальной экономике? Какие политические альянсы могут быть созданы между феминизмом, теорией, этнически ориентированной политикой и фэт-активизмом? Эти вопросы и другие указывают путь к новым территориям, которые предстоит открыть, нанести на карту, исследовать и обсудить.

Яна Эванс, Кэтрин Лебеско.

Ричард Кляйн

Глава первая. Переоценка телесности, переопределение субъективности полных. Жир как красота

Предположим, вы захотели бы найти основания полагать, что нынешняя мода на худобу готова к переменам. В недавней статье «Перед лицом нехватки продовольствия» в журнале *World Watch*, вызвавшей много споров, издатель издания Лестер Р. Браун с тревогой сообщил о недавней оценке Всемирного совета по сельскохозяйственным перспективам в Вашингтоне: «Измеряемые в днях мирового потребления, оценочные переходящие запасы зерна в мире на 1996 год упали до 49 дней – самого низкого уровня за всю историю». Переходящие запасы зерна являются ключевым показателем способности мира удовлетворить растущие потребности в продовольствии. Эта подушка безопасности от нехватки сокращается в данный момент. Например, Китай за два года превратился из чистого экспортера зерна в крупного импортера, потребности в импорте зерна для Индонезии, Ирана, Пакистана, Египта, Эфиопии, Нигерии, Мексики, Бангладеш и Индии резко возросли, мировой улов рыбы начал выходить на плато, если не снижаться. Эти последние события подтверждают вывод статьи, высказанный в драматически тревожных тонах: «Действительно, впервые в истории человечество сталкивается с перспективой устойчивого снижения потребления морепродуктов и зерна на душу населения настолько далеко в будущее, насколько мы можем заглянуть».

В нынешних обстоятельствах, в мире, ставшем все более уязвимым, внезапный период засухи во всем мире может спровоцировать продовольственный кризис. Его первым эффектом, как ни парадоксально, станет резкое увеличение предложения пищи – мяса. Фермеры повсеместно будут забивать своих животных, чтобы не нести расходы на их откорм кормом, ставшим редким и ценным. Переизбыток будет побуждать людей налегать на мясо, потому что оно внезапно станет очень дешевым и вот-вот исчезнет со столов всех, кроме богатых. Таким образом, бедные, уже более полные, чем богатые, сначала станут еще толще, в результате употребления большого количества дешевого мяса. Но затем, по мере исчезновения мяса из их рациона и распространения дефицита, многие станут худыми, мучительно худыми. Однако богатые, презиравшие полноту, пока бедные были полными, вероятно, обнаружат, когда бедные похудеют, что полнота на самом деле прекрасна. Может случиться почти в одночасье, что общее восприятие того, что красиво, вдруг изменится. Анна Николь Смит неожиданно появится на обложке *Vogue*. Ее пышные формы уже сделали ее фотомodelью-пинап для нынешнего поколения ценителей пышных форм. Но будущее, возможно, принадлежит ей. Она показала, что у нее есть дар чувствовать момент, и я бы поставил на ее шансы стать следующей Бетти Грейбл для парней в Боснии.

Для того чтобы призрак дефицита привлек наше внимание, не потребуется резкой нехватки продовольствия – вспомните нефтяной кризис семидесятых. Один лишь намек на новую глобальную угрозу продовольственному снабжению может вызвать решительный сдвиг в эстетической привлекательности и питательной ценности, которые мы приписываем жиру. Первое предчувствие голода в мировом масштабе может быть достаточным, чтобы изменить всю культуру питания, усилить тревогу, наделить жир внезапно вновь обретенными преимуществами и неожиданной красотой.

Могут быть и другие причины, по которым можно представить, что изменение вкуса повернется от худобы к полноте. Но на самом деле для понимания того, что неизбежно произойдет, объяснение может быть невозможным или даже ненужным. В одном мы можем быть

уверены: если цивилизация сохранится, наступит время, когда полнота снова будет прекрасна, а худоба – ненавистна. Как и большинство сдвигов в моде, этот будет послушно подчиняться невидимому циклическому принципу, который, кажется, действует во всей истории, но особенно в истории моды. Единственное правило таково: то, что вышло из моды, войдет в моду, а то, что в моде, выйдет из моды. Принцип моды предписывает, – предварительно программирует и гарантирует, – что на протяжении долгих периодов истории великий маятник качается между любовью к худобе и любовью к полноте.

Однажды я ехал в машине с Роланом Бартом, великим французским критиком, из Нью-Хейвена в Итаку. В Бингемтоне я спросил его, что, по его мнению, означает, что «Битлз» внезапно сделали длинные волосы модными. Было ли это признаком феминизации мужчин в шестидесятые, культурного сдвига к новой андрогинности? Было ли это признаком возврата к более раннему моменту романтизма, когда длинные волосы были нестриженным выражением некоего более высокого, свободного сознания? Я продолжил возможными интерпретациями этого резкого сдвига во вкусах. В конце Барт пожал плечами. Он думал, что это не было ничем из перечисленного. Для него сдвиг был чисто формальным. Поскольку короткие волосы были правилом раньше, в пятидесятые, новое правило требовало длинных волос вместо них. Единственный значимый смысл, который можно здесь найти, – это произвольный, гарантирующий, что короткие юбки поднимутся после длинных, что цвет разразится после бежевых и нейтральных тонов, тонкие пояса со временем станут толще, а высокие каблуки сменят лодочки, как луна следует за солнцем. Мода – не естественная вещь, но она подчиняется своей собственной внутренней логике. Мода следует собственному закону, поэтому переход к полноте может произойти без причины, без веской причины, которую кто-либо может назвать. Возможно, мы просто устанем от худобы. Такое движение, конечно, встретит сопротивление со стороны индустрии здоровья-красоты-фитнеса; в конце концов, у нее огромная заинтересованность в худобе. Но когда полнота вернется, индустрия, несомненно, найдет другие способы делать деньги на тревогах людей. Когда полнота вернется, комментаторы постфактум, несомненно, найдут убедительные причины, чтобы объяснить произошедшее, почему произошел внезапный сдвиг во вкусах. Но модный маятник, как настоящий, висящий на ветке, подчиняется только правилу, которое гласит, что он всегда должен качаться в направлении, противоположном тому, где он был.

Чтобы продемонстрировать этот принцип, я приглашаю читателя в быстрое путешествие по истории жира. История жира – это тема, которую только начали писать, хотя она уже породила два или три великолепных труда. Хиллел Шварц и Роберта Рид, в частности, расширили наше понимание социальных установок в Америке по отношению к жиру – к диетам и режиму худобы. Я предлагаю более быстрый и гораздо более поверхностный обзор ни много ни мало всей истории жирной красоты, начиная с пещерных женщин.

Первые найденные фигурки, изображающие человеческое тело, считаются созданными более пятнадцати тысяч лет назад; все они женские, все очень округлые и рельефные, с эрогенными зонами (грудь, живот, зад), которые обильно выступают. Этих Венер, так археологи называют этих пухленьких каменных статуэток, находили в пещерах, особенно в Германии и Италии, но широко – от Франции до Сибири.

Самая известная, конечно, – Венера Виллендорфская, маленькая фигурка высотой в четыре с половиной дюйма, наделенная необычайными пропорциями. Лет двадцать тысяч назад, плюс-минус, эта великолепно пышная женщина была вырезана из стеатита, ее огромные пропорции сжаты в крошечном объеме. В масштабе, увеличенном до размеров живого человека, она, пожалуй, самая толстая женщина, какую только можно представить. Две огромные горы вместо грудей, идеально округлые, пышные холмы, возвышаются над ее обширным упругим животом. В то время как бедра изгибаются в бесконечную задницу, затем они сужаются к тонким ногам, обрезанным на лодыжках. В фокусе всех этих огромных плавных холмов плоти

находится полная и красиво оформленная вульва. В центре всего этого – пупок, огромный, темный и глубокий.

Венеры, как мы знаем, богини любви, но археологи этого не понимают. С их профессиональным уклоном в пользу пользы и полезности они предполагают, что эти фигурки должны быть фетишами плодородия, служащими неким ритуальным целям – быть объектами молитвы, созданными для содействия зачатию и защиты беременности. Они делают это предположение, основываясь на дальнейшем допущении, что поскольку все эти фигурки полные, – полные груди, животы и бедра, – они должны быть беременными. Конечно, существует некоторая прямая пропорция между количеством жира у женщины и ее способностью рожать детей. Жир плодovit; мы уже указывали на это. Конечно, мы знаем, что обратное еще более вероятно: худые женщины менее плодovиты, менее успешны в рождении детей. После определенной точки истощения менструация прекращается полностью, и плодovитость исчезает. Преимущества жира, несомненно, были еще более насущными для наших предков в пещере; когда голод таился как постоянная угроза, беременная мать благословляла страховку своего жира от потери будущего ребенка.

Но вопрос остается открытым. Откуда мы можем быть уверены, что это ритуальные предметы, магические амулеты или вуду-куклы? Откуда нам знать, что их форма и очертания призваны вызывать состояние, которое они, казалось бы, олицетворяют? Почему они обязательно должны быть полезны? Ученые, которые не должны принимать красоту в расчет, полагают, что пещерные люди не могли отделить свою любовь к прекрасному от желания пополнить запасы рабочих рук. Но когда вы рассматриваете эти удивительные фигурки в трех измерениях, в их округлости, вы видите множество деталей, выступающих со всех сторон. Задние части привлекают не меньше художественного внимания, чем груди или обширные, выдающиеся животы, и это важно. Для людей, обращенных друг к другу в любви, ягодичцы связаны больше с наслаждением, чем с продолжением рода, а те, что выступают сзади с той же уверенной дерзостью, что и выпуклые груди спереди, обладают притягательностью. Плотные ягодичцы не выполняют никакой репродуктивной функции. За исключением того, что они массивны, а вообще массивность – признак плодородия. Прекрасные пышные ягодичцы этих фигурок – объект восхищения и стимул для грез, своего рода подушка, на которой наши пещерные предки вполне могли фантазировать об изобилии и в голодные времена мечтать о его удовольствиях. В снах пещерного человека эти богини резвятся на тучных полях и плещутся в живых ручьях, прекрасные женщины, изобилующие в пышных пейзажах, которые составляют его видения рая.

Ничто не мешает нам предположить, что эти статуэтки были абсолютно бесполезны, были просто прекрасны – как и более поздние Венеры, являющиеся лишь изображениями идеальной женской красоты. Я верю в это, когда смотрю на другую фигурку из мыльного камня из грота Бальци-Росси в Вентимилье, на границе современной Франции и Италии. Именно там, в сердце того, что мы теперь знаем как Ривьеру, была найдена эта маленькая фигурка красавицы каменного века с пропорциями Бриджит Бардо – с грудью и ягодичцами, будоражащими ум подобно нарастающей «Оде к радости» или «Марсельезе». И между ними, заметьте, у нее совершенно плоский живот, ровная плоскость подтянутой талии, простирающаяся между раздутыми грудями сверху и остальным телом. Эта женщина не беременна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.